

А.А. Фет

**Мои воспоминания
1848-1889**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф45

Ф45 **Фет А.А.**
Мои воспоминания 1848-1889: Часть 2 / А.А. Фет – М.: Книга по Требованию,
2014. – 404 с.

ISBN 978-5-517-98447-0

ISBN 978-5-517-98447-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Свиданіе съ Ѳ. И. Тютчевымъ.—Смерть Дружинина.—Письма.—Дмитрій Кирillowичъ.—Поѣздка на Тимъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Гр. Алексѣй Толстой.—Посѣщеніе Новоселокъ.—Сергѣй Мартыновичъ.

По поводу послѣдняго моего свиданія съ Ѳ. И. Тютчевымъ въ январѣ 64 года, не могу не привѣтствовать въ моемъ воспоминаніи тѣни одного изъ величайшихъ лириковъ, существовавшихъ на землѣ. Я не думаю касаться его біографіи, написанной, между прочимъ, зятемъ его Ив. Серг. Аксаковымъ. Тютчевъ сладостенъ мнѣ не столько какъ человекъ, болѣе чѣмъ дружелюбно ко мнѣ относившійся, но какъ самое воздушное воплощеніе поэта, какимъ его рисуетъ себѣ романтизмъ. Начать съ того, что Ѳедоръ Ивановичъ болѣзненно сжимался при малѣйшемъ намекѣ на его поэтическій даръ, и никто не дерзалъ заводить съ нимъ объ этомъ рѣчи. Но какъ ни скрываютъ благоуханныхъ цвѣтовъ, ароматъ ихъ слышится въ комнатѣ, и гдѣ бы и когда бы вы ни встрѣтили мягкихъ до женственности очертаній лица Ѳедора Ивановича съ открытой ли головой, напоминающей мягкими и перепутанными сѣдинами его стихи:

«Хоть свѣжестъ утрення вѣсть
Въ моихъ всклооченныхъ власахъ...»

или въ поматой шляпѣ задумчиво бредущаго по тротуару и волочащаго по землѣ рукавъ поношенной шубы, — вы бы угадали любимца музъ, высказывающаго устами Дармонта:

«Я не съ тобой, а съ сердцемъ говорю».

Было время, когда я раза три въ недѣлю заходилъ въ Москвѣ въ гостиницу Шевалдышева на Тверской въ номеръ, занимаемый Федоромъ Ивановичемъ. На вопросъ: „дома ли Федоръ Ивановичъ?“ камердинеръ вѣщаетъ, въ двѣнадцатомъ часу дня, — говоритъ: „онъ гуляетъ, но сейчасъ придетъ пить кофей“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Федоръ Ивановичъ приходилъ, и мы вдвоемъ садились пить кофей, отъ котораго я ни въ какое время дня не отказываюсь. Какихъ психологическихъ вопросовъ мы при этомъ не касались! Какихъ великихъ постовъ не припоминали! И, конечно, я подымалъ всѣ эти вопросы съ цѣлью слушать замѣчательныя по своей силѣ и мѣткости сужденія Тютчева и упивался ими. Помню, какую радость затрепетало мое сердце, когда, прочитавши Федору Ивановичу пригесенное мною новое стихотвореніе, я услышалъ его восклицаніе: „какъ это воздушно!“

Зная, что въ настоящее время онъ проживалъ въ Петербургѣ, въ домѣ Армянской церкви, я сказалъ Як. Петр. Полонскому, бывшему въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ Тютчевымъ, — о желаніи проститься съ поэтомъ, отъѣзжающимъ, какъ я слышалъ, въ Италію.

— Это невозможно, сказалъ Яковъ Петр., — онъ въ настоящее время дотога убитъ роковой своей потерей, что только страдаетъ, а не живетъ, и потому дверь его закрыта для всѣхъ.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ я, — передай ему мой самый искренній поклонъ.

Въ первомъ часу ночи, возвращаясь въ гостиницу Крассана, я, вмѣстѣ съ ключемъ отъ номера, получилъ отъ швейцара записку. Зажигая свѣчу на ночномъ столикѣ, я, при мысли сладко задремать надъ французскимъ романомъ, намѣренъ былъ предварительно, уже лежа въ постели, прочесть и записку. Раскрываю послѣднюю и читаю: „Тютчевъ проситъ тебя, если можно, придти съ нимъ проститься“. Конечно, я черезъ минуту былъ снова одѣтъ и полетѣлъ на призывъ. Безмолвно пожавъ руку, Тютчевъ пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ диваномъ есъ, на которомъ онъ полулежалъ. Должно быть его лихорадило и энобило въ теплой комнатѣ отъ рыданій, такъ какъ онъ весь покрытъ былъ съ

головрю темно-сѣрымъ пледомъ, изъ подъ котораго виднѣлось только одно изнемогающее лицо. Говорить въ такое время нечего. Черезъ нѣсколько минутъ я пожалъ ему руку и тихо вышелъ. Вотъ что позднѣе рассказывалъ Тургеневъ о своемъ свиданіи съ Тютчевымъ въ Парижѣ:

„Когда Тютчевъ вернулся изъ Ниццы, гдѣ написалъ свое известное: .

«О этотъ югъ, о эта Ницца!...

— „мы, чтобы переговорить, зашли въ кафе на бульваръ и, спросивъ себя изъ приличія мороженаго, сѣли подъ тѣнью-жемъ изъ плюща. Я молчалъ все время, а Тютчевъ бодрѣющимъ голосомъ говорилъ, и грудь его сорочки подъ конецъ разсказа оказалась промокшею отъ падавшихъ на нее слезъ“.

Миръ праху твоему, великій поэтъ! Тѣнь твоя можетъ утѣшиться! Недаромъ ты такъ ревниво таилъ свой пламень, ты навсегда останешься любимцемъ избранныхъ. Толпа никогда не будетъ въ силахъ понимать тебя!

Помню, въ одномъ письмѣ Л. Толстой пишетъ:

„Бжавши отъ васъ, встрѣтилъ я Тютчева въ Черни и четыре станціи говорилъ и слушалъ, и теперь, что ни часъ, вспоминаю этого величественнаго и простаго и такого глубоко настояще-умнаго старика“.

Еще въ предпоследнюю поѣздку мою въ Петербургъ, я навѣщалъ тяжело больного А. В. Дружинина, и хотя онъ видимо радовался посѣщенію всѣхъ искреннихъ друзей своихъ, но посѣтителямъ (сужу по себѣ) было крайне тяжело видѣть ежедневное и несомнѣнное разрушеніе этого когда-то добродушнаго и веселаго человѣка. На этотъ разъ, не успѣвъ я остановиться въ гостинницѣ рядомъ съ Боткинымъ, какъ въ тотъ же день узналъ о смерти Дружинина, точно я нарочно подѣхалъ къ его похоронамъ. Проводивши въ день погребенія усопшаго изъ дому, мы тѣснымъ кругомъ собрались на отпѣваніе въ церковь Смоленскаго кладбища. Очевидно, приличіе требовало, чтобы при отпѣваніи присутствовалъ и Некрасовъ, сумѣвшій въ это время разсориться со всѣмъ кружкомъ, за исключеніемъ Вас. Петр. Боткина. Никогда я

не забуду холоднаго выраженія пары черныхъ бѣгающихъ глазъ Некрасова, когда, не глядясь никому и не глядя ни на кого въ особенности, онъ пробирался сквозь толпу знакомыхъ незнакомцевъ. Помню, какъ торопливо бросивъ горсть песку въ раскрытую могилу, Некрасовъ уѣхалъ домой; а родные покойника пригласили насъ на поминки въ кладбищенской гостинницѣ. Здѣсь, пона еще не всё собрались къ столу, я прочелъ Тургеневу свое стихотвореніе, написанное подъ первымъ впечатлѣніемъ, прося его по обычаю сказать, стоитъ ли оно того, чтобы его прочесть публично?

„Вы видите, я плачу, сказалъ Тургеневъ,—это лучшая похвала стихотворенію; но всетаки слѣдуетъ исправить стихъ: ты чистымъ донесешь въ могилу, такъ какъ доносить до, а не в. Видѣли ли вы, господа, сказалъ онъ, какъ я смотрѣлъ на Некрасова? Я какъ будто говорилъ ему: „видишь, я могу прямо смотрѣть на тебя, я передъ тобою не виноватъ; а твои глаза бѣгаютъ, боясь встрѣтить чужой взглядъ“.

Вскорѣ послѣ похоронъ, мы съ Васиіемъ Петровичемъ уѣхали въ Москву, гдѣ пробывши трое сутокъ,—онъ снова возвратился въ Петербургъ.

Тургеневъ писалъ изъ Петербурга отъ 25 января 1864 г.:

„Ну-съ милѣйшій Аѳ. Аѳ., прибыли вы благополучно въ первопрестольный градъ вмѣстѣ съ престельными старцами Мерике *) и Донъ-Базиіемъ. Черкните-ка словечко да пришлите Масловскія письма. Но представьте, какой я оказался телятиной! Вмѣсто чепуховатой г-жи З—й, мнѣ бы слѣдовало отвезти васъ купно съ романами къ г-жѣ А., и вы бы насладились! Вчера я показалъ ей два первыхъ напечатанныхъ романа, и она ихъ такъ пропѣла *сразу* и такъ аккомпанировала, что я растаялъ. Что значить настоящая музыкальная нѣмецкая кровь!—Эта и грамматику знаетъ и въ риторикѣ сильна. Кстати, она чуть не влюблена въ Васиіа Петровича и хочетъ устроить для него квартетъ съ Рубинштейномъ, Давыдовымъ, Венявскимъ... четвертый персонажъ будетъ чуть ли не сама Святая Цецилія. И романы она хо-

---

*) Въ бытность мою въ Петербурга, Тургеневъ подарилъ мнѣ книжку стихотвореній нѣмецкаго поэта Мерике.

четь спѣтъ всѣ торжественно. Будетъ хорошо, а альбомъ вы получите немедленно, какъ только онъ выйдетъ.

„Прочелъ я послѣ вашего отъѣзда „Поликушку“ Толстаго и удивился силѣ этого крупнаго таланта. Только матеріалу ужь больно много потрачено, да и сынишку онъ напрасно утопилъ. Ужь очень страшно выходить. Но есть страницы поистинѣ удивительныя! Даже до холода въ спинной кости пробираетъ, а вѣдь у насъ она уже и толстая, и грубая. Мастеръ, мастеръ!

„Юный редакторъ „Библіотеки для чтенія“ просить меня узнать отъ васъ, не будетъ ли съ вашей стороны препятствія къ перепечаткѣ вашего стихотворенія изъ Московск. Вѣдомостей въ статьѣ о Дружининѣ, долженствующей явиться въ первомъ номерѣ его журнала? А вы, злодѣй, оставили: „доставить въ могилу“.

„Кланяйтесь добрымъ пріятелямъ, а главнѣйшее Вашей милой женѣ. Будьте здоровы.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Боткинъ писалъ изъ Петербурга 2 февраля 1864 г.:

„Сегодня справляемъ тризну по Дружининѣ обѣдомъ, въ которомъ участвуютъ всѣ знавшіе его близко.

„Дай Богъ вамъ благополучно доѣхать до Степановки. Сегодня были выборы въ члены комитета литературнаго фонда. Я нарочно поѣхалъ туда, еще въ первый разъ; реакція противъ нигилизма и демагоговъ, слава Богу, оказалась полная. Въ председатели общества избранъ баронъ Корфъ и т. д.

„Я вынулъ экземпляръ записокъ объ Испаніи, чтобы послать его въ Вятку, и забылъ. Сдѣлай одолженіе, попроси переслать его ко мнѣ въ Петербургъ; мнѣ надо сдѣлать на немъ надпись: я такъ обѣщалъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

На этотъ разъ, возвращаясь въ Степановку зимнимъ путемъ до Орла въ дилижансѣ, мы не могли заѣхать въ Ясную Поляну. Въ деревнѣ мы снова попали въ то колесо бѣгли, въ которомъ бѣготни много, но успѣха никакого.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга 26 февраля 1864 года:

„Продолжительное молчаніе ваше начинаетъ меня тревожить. Послѣ перваго зашего письма изъ Степановки, я не имѣлъ отъ васъ никакого извѣстія. Между тѣмъ все уже готово къ моему выѣзду за границу. Скажу вамъ, что я имѣю намѣреніе ѣхать черезъ Варшаву и останусь тамъ нѣсколько дней взглянуть на это гнѣздо убійствъ и ненависти къ Россіи. Изъ Вѣны я буду писать къ вамъ. Вы же напишите мнѣ въ Вѣну, *poste restante*, да ты, пожалуйста, явственнѣе пиши адресъ и не такъ связано и размашисто, какъ ты пишешь обыкновенно. Я не могу еще положительно сказать, когда я выѣду, можетъ быть вначалѣ будущей недѣли. Наканунѣ отъѣзда я напишу вамъ.

27 февраля.

„Слава Богу! вчера вечеромъ получилъ отъ тебя письмо, изъ котораго вижу, что вы здоровы, и въ Степановкѣ все обстоитъ благополучно. Итакъ, я ѣду черезъ Варшаву. Надѣюсь, что ничего дурнаго не случится со мною. Можетъ быть вы назовете глупостью пускаться въ этотъ взволнованный край и въ такое время, когда по всѣмъ слухамъ дѣйствія революціонной партіи должны несомнѣнно усилиться. Но русское чувство теперь уже не оскорбляется въ Варшавѣ, какъ было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, да и наконецъ мнѣ хочется взглянуть на этотъ городъ, гдѣ можно нанимать убійцъ по цѣлковому за человѣка. Я останусь тамъ дня четыре, потомъ въ Берлинъ.

„Я выѣзжаю 2 марта. При моей ненависти къ полякамъ, какое впечатлѣніе произведетъ на меня Варшава? Я буду тамъ съ Н. А. Милютинымъ. Все мнѣ будетъ любопытно тамъ: и враждебный городъ, и военная жизнь, и общій строй умовъ, и отголоски борьбы.

„Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ отсюда 22 февраля и, вѣроятно, прежде будущей зимы сюда не будетъ. Затѣмъ прощайте и не поминайте меня лихомъ.

Преданный вамъ

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ:

Парижъ, 31 марта 1864 г.

„Любезнѣйшій Аванасій Аванасьевичъ, надобно непременно намъ возобновить нашу переписку; и не потому, что мы имѣемъ пропасть вещей сообщить другъ другу, а просто потому, что не слѣдуетъ двумъ пріятелямъ жить въ одно и то же время на земномъ шарѣ и не подавать другъ другу хоть парьдка руку. Вы только обратите вниманіе на слѣдующій рисунокъ:

вѣчность

и

вѣчность...

„Точка *a* представляет то кратчайшее мгновенье, въ теченіи котораго мы живемъ; еще мгновенье, и поглотитъ насъ навсегда нѣмая глубина нихтаейна... Какъ же не воспользоваться этой точкой? Расскажу я вамъ, что я дѣлалъ, дѣлаю и буду дѣлать, и жду отъ васъ, что вы также поступите со мною.

«Покинувъ градъ Петровъ, я въ Баденъ поспѣшилъ
«И съ удовольствіемъ тамъ десять дней прожилъ.
«На брата посмотрѣть заѣхалъ я во Дрезденъ
«(Какъ у Вергиной на насъ съ пріѣздомъ лѣзь Денъ,—
«Вы не забыли, чай?—Но въ сторону его!)—
«Я въ Баденѣ, мой другъ, не дѣлалъ ничего,
«И то же самое я дѣлаю въ Парижѣ,
«И чувствую, что такъ къ природѣ люди ближе.
«И что не нуженъ намъ ни Клантъ, ни Геродотъ,
«Чтобъ знать, что устрицы кладутъ не въ носъ, а въ ротъ.
«Недѣльки черезъ двѣ лезу я снова въ Баденъ;—
«Тамъ травка зеленѣй, и воздухъ тамъ прохладенъ,
«И шепчутъ горы верхи: «Гдѣ Фетъ? гдѣ тотъ поэтъ,
«Чей стихъ свѣжѣй шкры и сладостнѣй конфетъ!
«Достойно насъ воспѣть одинъ онъ въ состояннѣ...
«Но пребываетъ онъ въ далекомъ разстояннѣ!»

„Однако довольно дурачиться. Напишите мнѣ, что вы подѣлываете, что Борисовъ? Я получилъ отъ него очень милое письмо, на которое еще не отвѣтилъ, но отвѣчу непременно. — Весна у насъ начинается, но какъ-то медленно и

вяло; дуютъ холодныя вѣтры, и не чувствуется никакой нѣги, которую вы такъ прелестно воспѣвали. Я откладываю свою работу до Бадена; но, кажется, я только самого себя обманываю. Здѣсь я написалъ только статейку короче воробьиного носа для предполагаемаго праздника Шекспировской трехсотлѣтней годовщины, да еще разсказецъ, тоже прекротенькій, который я намахалъ въ два дня. Кстати: вы должны сочувствовать Шекспировской годовщинѣ; сдѣлали бы и вы что-нибудь!

„Ну, а Степановка все на томъ же мѣстѣ и процвѣтаетъ?— Что посаженныя деревца? А прудъ? Богъ дастъ, всю эту благодать я увижу въ нынѣшнемъ году. А пока будьте здоровы и веселы; дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашей женѣ.

Преданный вамъ *Ив. Туриневъ.*

Боткинъ писалъ изъ Вѣны отъ 12 апрѣля 1864 года:

„Милые друзья! Мнѣ даже трудно и начинать разсказывать тѣ впечатлѣнія, которыя сдѣлала на меня Варшава, гдѣ я прожилъ десять дней. Однимъ словомъ: жгучій польскій вопросъ я чувствовалъ тамъ во всей ядовитой его силѣ. Довольно хоть скольконибудь разумѣть дѣло, которое задумали поляки, чтобы всякій русскій человѣкъ почувствовалъ неизгладимую обиду. Когданибудь послѣ разскажу. Въ этой мрачной картинѣ не обошлось и безъ комическаго. И поѣхалъ изъ Варшавы на Бромбергъ, то есть чрезъ еще не безопасную мѣстность. Какой чертъ вздумаетъ этой дорогой ѣхать за границу! И дѣйствительно, меня приняли за поляка, ѣдущаго съ фальшивымъ паспортомъ, арестовали, до гола раздѣли и обыскали, держали подъ карауломъ. Вся эта исторія продолжалась часовъ пять, пока не получена была отвѣтная телеграмма изъ ближайшаго городка, что я вовсе не тотъ, кого слѣдовало арестовать и проч. Варшавскія впечатлѣнія имѣли для меня тотъ результатъ, что я цѣлую недѣлю прохворалъ въ Берлинѣ. Куда мнѣ съ моими хилыми нервами пускаться на такія впечатлѣнія, какъ, напримѣръ, застрѣленный и плавающий въ крови русскій жандармъ, котораго увидѣлъ я въ Вилановѣ, верстъ 5 или 7 отъ Варшавы, куда

я съ нѣсколькими знакомыми поѣхалъ, запасшись револьверами и взявши человекъ семь конвоя. Но обо всемъ этомъ расскажу уже въ Степановкѣ, потому описывать не въ состояніи, ибо нервы тотчасъ приходятъ въ раздраженіе.— Получилъ ваше письмо здѣсь—и спасибо. Теперь уже адресуйте мнѣ въ Парижъ. Завтра ѣду изъ Вѣны въ Триестъ и Венецію. Оттуда напишу вамъ. Я непременно намѣренъ вернуться въ Россію въ концѣ нашего мая и уже не позже начала іюня. Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Венеція.

22 апрѣля 1864 г.

„Завтра будетъ недѣля, какъ я здѣсь; видѣлъ все, что хотѣлось видѣть, и хочу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Наслажденіе, производимое дѣйствительными произведеніями искусства, невозможно ни съ чѣмъ сравнить. И что удивительно, эти наслажденія не требуютъ непременно молодости и свѣжести чувствъ; я теперь въ 52 года, кажется, гораздо полнѣе и глубже ощущаю ихъ, нежели во время моей молодости. Нынѣшній разъ я особенно обращалъ вниманіе на произведенія, сдѣланныя въ эпоху, когда древняя литература и древнее искусство начали проникать въ средневѣковья возрѣнія Итальянцевъ и породили тотъ стиль, который вообще извѣстенъ подъ названіемъ стиля Возрожденія (Renaissance). Для изученія этого благороднѣйшаго стиля, Венеція представляетъ множество произведеній во всѣхъ родахъ, хотя природа человѣческая остается одинаковою во всѣ времена, но всазрѣнія его на міръ очевидно измѣняются, и вотъ эти то измѣненія ни въ чемъ такъ ощутительно не запечатлѣваются, какъ въ произведеніяхъ искусства. Удивительно то, что искусство каждой эпохи имѣетъ свою красоту. Видно, что во всѣ времена и во всѣ эпохи,—какъ только человекъ начнетъ съ любовью смотрѣть на предметъ или на мысль свою и воспроизводитъ ее не въ соотношеніи къ другимъ предметамъ, но исключительно для нея самой, какъ будто-бы въ ней заключалась вся сущность міра, — такъ непременно

явится произведеніе, которое невольно притягиваетъ къ себѣ всякаго, у кого есть сколько нибудь живое чувство. Человѣкъ развлеченъ и потерянъ въ этомъ общемъ, среди котораго онъ живетъ, а искусство индивидуализируетъ то, изъ чего состоитъ эта масса общаго, и за это люди любятъ искусство. Они любятъ его за то, что въ каждомъ предметѣ искусство умѣетъ открывать значеніе, организацію и красоту. И это равно относится и къ поэту, и къ архитектору. Но вотъ въ чемъ бѣда, что рѣдко рождаются люди, которые способны *такъ* смотрѣть на предметы, любить ихъ для нихъ самихъ, а не по отношенію ихъ къ другимъ предметамъ. Это то и называется *объективнымъ* взглядомъ на вещи. Изъ боязни напустить тебѣ еще большаго туману,—я больше не стану гонорить объ этомъ. Одно только скажу, что безъ труда не бываетъ наслажденія. Ничего человѣку не дается легко и сразу. Миѣ по крайней мѣрѣ все дается съ трудомъ; да я думаю только то и прочно, что пріобрѣтено съ трудомъ.

„Прелестнѣйшее впечатлѣніе сдѣлала на меня Вѣна, гдѣ я пробылъ шесть дней. Мягкіе нравы, элегантность жизни, старая укоренившаяся цивилизація, средневѣковой характеръ города, что-то умягченное, пріятное, чувственное, которое втягиваетъ въ себя и не даетъ думать ни о чемъ на свѣтѣ, кромѣ *vivere presente*,—вотъ какое впечатлѣніе сдѣлала на меня Вѣна. Берлинъ выражаетъ только одну сторону Германіи: Берлинъ мастерская, дѣловая кофтора Германія,—онъ смотритъ въ будущее, а Вѣна въ прошедшее и наслаждается своимъ нажитымъ добромъ, своею блестящей аристократіей.

„Отсюда я ѣду въ Виченцу посмотрѣть на постройки Палладіо; тамъ находится много дворцовъ и домовъ, построенныхъ имъ. Гармонія и сочетаніе размѣровъ, вотъ сущность архитектурной красоты, но опять-таки всякая эпоха имѣетъ свои сочетанія размѣровъ и свою гармонію. Никто такъ не чувствовалъ и не воспроизводилъ красоту римскихъ зданій, какъ Палладіо. Но это не было однимъ подражаніемъ, тутъ чувствуется самобытная фантазія. Его зданія имѣютъ въ себѣ что-то чувственное, роскошное, цвѣтущее, какая-то полнота и красота формъ женщины, только перешедшей тридцать лѣтъ. Только богатая и цвѣтущая Италія и именно Ве-